

УДК 130.2:572:316.752

Н. Е. Судакова

**Онтология инклюзии: технологизация бытия —
свобода или зависимость?**

Статья раскрывает актуальную сегодня тему становления культуры инклюзии в современном обществе. Осмысляются проблемы технологизации социальных процессов в ракурсе преодоления обесценивания человека как микромоделей Вселенной, где особая роль отводится людям с ОВЗ и их «безграничным возможностям». Анализируется роль технологизации с позиции укрепления социальной зависимости индивида от общества и его продуктов, способствующая ограниченности сознания современного потребителя. Определяется потенциал технологизации в контексте становления соучастного Бытия как основы инклюзивного сообщества.

Ключевые слова: инклюзия, культура, технологизация, искусственный интеллект, Другой, люди с ОВЗ, соучастное Бытие, уникальность, свобода выбора, социальная зависимость.

N. Sudakova. Ontology of inclusion: the technologization of being — freedom or dependence?

The paper reveals the topical theme of the inclusion culture formation in the modern society. The problems of social processes' technologization in the perspective of overcoming the depreciation of a person as a micromodel of the universe, where a special role is given to people with disabilities and their «limitless possibilities». The author analyzes the role of technologization from the position of aggravating the social dependence of the individual on society and its products, which contributes to the limited consciousness of the modern consumer. The work also determines the capacity of technology in the context of the involving Being formation as the foundation of an inclusive community.

Keywords: inclusion, culture, technologization, artificial intelligence, Other, people with disabilities, complicity Being, uniqueness, freedom of choice, social dependence.

К постановке вопроса

Укрепление научно-технологического потенциала, способствующего активному постижению новых горизонтов знания, является одной из приоритетных задач современного общества, где человек, достигший наивысшей стадии бытийствования, многогранно применяет технологии «подрывных инноваций» (disruptive innovation, Clayton Christensen) [16]. «Термин “подрыв” описывает процесс, благодаря которому небольшая компания со скромными ресурсами начинает успешно конкурировать с солидными, давно обосновавшимися на рынке предприятиями» [6]. Теория профессора Гарвардской бизнес-школы К. М. Кристенсена довольно быстро перешагнула порог экономической рефлексии, найдя своих сторонников в различных областях знания, в том числе в сфере социальных проблем современности. На основании исследований, объёмно представленных в работе «Дилемма Инноватора» [5], профессор К. М. Кристенсен делает вывод о том, что постоянное улучшение какого-либо продукта не всегда оправдано, поскольку, пока мы стараемся сделать его лучше, потребность в нём может резко снизиться, что обусловлено непрерывным появлением более актуальных и востребованных технологий. Данное открытие, имеющее прямое отношение к экономическому моделированию реальности, неожиданным для автора образом нашло отклик и в социокультурном проектировании.

Пока все прогрессивные общественные институты работали над постоянным совершенствованием человека, устремлённого к своему идеальному воплощению и способного к созиданию уникальности бытия, потребности мира существенно изменились, поскольку множество функций стали выполняться высокотехнологичными механизмами. Социальный вклад личности постепенно приобретает иные, потенциально дискуссионные черты, где актуализируется задача социальной реализации каждого человека, в том числе человека с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), ранее не представлявшего ценностной значимости для социума. «Подрыв», преодолев существующий коннотационный негативизм и заявив о себе как о символе современной эпохи, вывел современного человека в новое для него пространство ценностно-смысловых ориентаций — пространство инклюзии.

Там где люди без видимых ограничений старались мыслить масштабно и размашисто, с глобальной перспективой, люди с ОВЗ просто шли, шаг за шагом, преодолевая те безусловные трудности, которые сопровождали их бытийствование, шли к своей, пусть и не очень глобальной мечте. Так появились те, кто ассоциируется сегодня с образом «человека с безграничными возможностями». Их достижения не только поражают воображение, но и вдохновляют человека на преодоление возникающих преград. Среди них выдающийся астрофизик Стивен Хокинг, слепой финский программист Tuukka Ojala (обрабатывающий звуковую информацию в три раза быстрее, чем обычный человек (450 слов в минуту), что позволяет ему работать в одной из крупнейших IT-корпораций мира) [15], уникальная глухая перкуSSIONИСТКА Эвелин Гленни (исполняющая около ста сольных концертов по всему миру в год) [13], слепоглухонемая писательница и поэтесса Ольга Скороходова [8] и многие другие. Их жизнь заставляет нас задуматься о том, что сложившиеся представления об истинных ресурсах человека очень ограничены, что возможности для самореализации личности гораздо богаче и их развитие доступно каждому, в том числе людям с ОВЗ.

Свобода или зависимость — механизмы становления соучастного Бытия

Мир решительно шагнул в эпоху инклюзии, настало время перемены ценностно-смыслового фундамента человеческого бытия, способствующего утверждению идеи безусловной ценности каждого рождённого человека для выживания всей человеческой цивилизации, где «все, кому нужен социум, кто по своим исходным характеристикам может быть обозначен как “Другой, отличный от меня”, имеют право на включение, приятие, полноценную социализацию, — все, вне зависимости от состояния здоровья, пола, национальной или расовой принадлежности, способностей, образования, культурной идентичности, возраста, психологической зрелости и других отличительных черт» [9, с. 153].

Глубинная суть человеческой природы, её онтологическая необходимость опосредуются наличием в жизни индивидуума права на выбор, определяющий уровень свободной воли, который неизмен-

но сопровождается осознанием и принятием ответственности за последствия принятых решений. Именно выбор формирует траекторию социокультурного развития личности, что в современном мире наиболее ощутимо. Человек появляется на свет исполненным свободной воли к постижению сложностной реальности — complexity (С. Хокинг), которая не только текуча, но и чрезвычайно многозначна. Современный человек имеет возможность выбирать из тысячи калейдоскопичных вариантов значимую для него индивидуальную траекторию развития, творить собственный универсум. В осознании данных возможностей заложен необъятный потенциал культуры инклюзии, утверждающей ценности разнообразия бытия, позволяющие проявлять и преумножать уникальность Человека-Творца.

Доказывающая свою значимость культура инклюзии заслуживает особого внимания, поскольку ценность человека, его безусловное право на свободу и выбор подвергались сомнению на протяжении тысячелетий: «В группах охотников и собирателей рациональным было уничтожение побежденных противников, каннибализм; в первых цивилизациях — приношение человеческих жертв. Рациональность античных обществ, преодолев языческую «бесчеловечность», осталась совместимой с убийством гладиаторов, с рабством» [3, с. 319], даже христианская русская культура достаточно долго включала в свой универсум крепостное право. Гуманизация человеческого бытия, как инструмент выживания человеческой цивилизации в современных условиях, явилась ступенью социальной эволюции, проявляющей себя сегодня поистине инклюзивно.

В контексте становления инклюзивного сообщества технологизация бытия обретает сегодня новое актуальное содержание и иные, не представленные ранее формы своего воплощения. Механизмы становления инклюзивной культуры посредством информационных технологий, обладающие способностью как возвращать уникальность человека, так и универсализировать его социокультурные потребности и опыт, вызывают сегодня наибольшее количество вопросов.

Сотворив Интернет как новую реальность, отображающую образ уже существующей вселенной, наделив её новыми функциями, востребованными человеком и отражающими его главную сущность — социальную активность, человек утвердился в своей коммуникатив-

но-соучастной природе бытийствования. Здесь стоит обратить особое внимание на концепцию С. Еремина о становлении человека совместно действующего — *Nomo sinergiosus* (Eryomin, 2005), который существует как «самостоятельное существо, одновременно являющееся компонентом (составной частью) нано-, микро-, миллисоциумов и глобальной автономной интеллектуальной системы человечества в целом, с ее развитой информационной сетью и способностями к накоплению знаний, синергетическим и аналитико-синтетическим актам, принятию решений и действиям, кардинально влияющим на освоение окружающей среды и изменяющим человеческую цивилизацию планеты» [4, с. 87]. Трансгрессивный скачок в данное цивилизационное пространство произошёл в последние полвека, где основным инструментом социального воплощения человеческого вида стало стремление к увеличению межличностного взаимодействия, стремление к рождению соучастного Бытия.

Появление пространства соучастного Бытия изменяет не только характер взаимодействия, но и облик его субъектов, где, словно увидев себя «со стороны», человек впервые в истории человеческой цивилизации меняет ценностное отношение к самому себе как носителю инаковости — Другому, признавая его/себя Другого не только ценностно значимым, но и равным. Данная позиция иначе транслирует социальные возможности человека, где особенно ценным представляется потенциал к качественному улучшению жизни человека с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Обозначенный вызов, обуславливающий вхождение человечества в эпоху инклюзии, являет собой парадигмальные изменения ценностных императивов человеческой цивилизации в ракурсе включения в социальное бытие всех без исключения, по праву рождения имеющих все видовые признаки человека.

Актуальность проблематики «подрыва» прирастает пониманием, что существовавший вплоть до настоящего времени формат бытийствования в скором времени утратит своё значение, а вместе с ним станут историей и множество профессиональных квалификаций [13], востребованных ещё пару десятилетий назад. В обозначенных условиях существующая сегодня концепция возможностей для самореализации личности существенно преобразуется. Становится очевидным, что именно сегодня как сознание человека, так и его

бытие в очередной раз попадают в зависимость от внешней среды, где дорога к появлению «беспольного класса» [там же] уже открыта. И здесь теряют хоть какую-то неправдоподобность выводы Ю. Н. Харари о том, что «объединение infotech и biotech порождает алгоритмы, которые могут успешно анализировать нас и общаться с нами и которые в скором времени могут превзойти людей, врачей, солдат и банкиров в таких задачах. Эти алгоритмы могут в конечном итоге вывести сотни миллионов людей из рынка труда» [там же]. Грядёт новая антропологическая революция или это естественная перестройка, вызванная социальной эволюцией нашей цивилизации? Количество вопросов, ответы на которые предстоит дать уже в ближайшей перспективе, стремительно нарастает.

Осмывая вышеизложенное, стоит обратиться к воззрению на социальные процессы А. Швейцера: «Поглощение современного человека обществом, поистине единственное в своем роде, — это, пожалуй, наиболее характерная черта его сущности» [12, с. 48]. Сложно не согласиться с его выводами о том, что общество имеет существенный инструмент для воздействия на человека, не только формируя его картину мира, но и предопределяя все аспекты его самореализации. Скорость и объём операций по социальному взаимодействию настолько возросли, что множество людей не обладает достаточным количеством ресурсов для глубокой рефлексии своей личностной сущности, собственных потребностей и возможностей, а потому проблема социальной инфантильности значительно актуализируется. Изменение потребности в человеческих ресурсах ещё более обостряет проблематику социальной зависимости, поскольку появление так называемого «беспольного класса» заметно усилит социальную напряжённость.

Патологическая зависимость от общественного мнения достигает сегодня своего апогея, благоприятствуя становлению человека, неспособного как к духовной, так и к экономической обособленности, а в конечном счёте, к социальной зрелости. Обозначенный подход потворствует девальвации духовной составляющей жизни личности, позволяя ей принимать ценности социума, не соотнося их со своими собственными потребностями и возможностями. А. Швейцер сравнил такого человека с мячом, деформирующимся от любого воздействия, но неспособным к восстановлению. Но главной пробле-

мой, по его мнению, является то, что «общество располагает им по своему усмотрению. От него человек получает, как готовый товар, убеждения — национальные, политические и религиозные — которыми затем живет» [там же]. Представленный вывод не добавляет оптимизма, поскольку существенно влияет на вектор развития всей человеческой цивилизации.

А. Швейцер, описывая данные процессы крайне красноречиво, отождествлял их с самыми нелюбимыми представлениями: «мы вступили в новое средневековье», «свобода мышления изъята из употребления» [12, с. 49], «обреченный на разобщенность, ограниченный, блуждая в дебрях бесчеловечности, уступая свое право на духовную самостоятельность... бредет современный человек унылой дорогой в унылое время» [там же]. Настолько обречённый взгляд на окружающую действительность, конечно, вызван вполне осязаемыми процессами, но не является ли он слишком субъективным? Или А. Швейцер и другие пессимистично настроенные мыслители, «словно «певцы любви, свободы, мира», «вооружившись небесными громами», согласно Н. А. Некрасову, гласят о гибели с целью «напомнить человеку высокое призвание его»? [9, с.23].

Безусловно, истинные творцы и мыслители во все времена выступали глашатаями, считая своим долгом обратить внимание социума на самые серьёзные проблемы современности. А. Швейцер не исключение, как и другие мыслители, придерживающиеся этой точки зрения, и данная постановка вопроса актуальна, поскольку открывает глаза на то, что «будущее человечества возможно лишь в контексте утверждения ценностей и идей гуманизма, через преодоление как внутреннего дисбаланса личности, так и отсутствия равновесия между человеком и природой, в процессе социального взаимодействия, через осмысление и принятие «чужести», «особливости», непохожести и нестандартности бытия Другого» [там же, с.17].

Увеличение потребности в социальном взаимодействии, в обмене социокультурным опытом бытийствования в глобальном размахе содействовало появлению новых технологических решений, расширяющих возможности коммуникации, постепенно оформившихся в объёмную форму новой информационной реальности. Данные процессы позволили не только раздвинуть границы сознания человека, но и преодолеть локальность реального бытия, обусловлен-

ную географическим расположением эпицентров культуры и образования в разных странах. Впервые в истории человеческой цивилизации благодаря глобальному распространению высокотехнологичной сети Интернет географическое положение субъекта культуры перестало носить решающий характер для обретения культурной идентичности и самореализации индивида в социальном пространстве. Эти ограничения были устранены и в процессе получения образования, что ранее было доступно лишь избранным и являлось несомненной привилегией элиты. Таким образом, многие аспекты элитарности культуры и образования подверглись серьёзному пересмотру. Значимость данных тенденций ещё более актуализируется, когда речь заходит о людях, традиционно лишённых каких-либо возможностей для освоения культурно-образовательного наследия человечества, — людях с различного рода ограничениями в области здоровья.

Технологический прорыв, осуществлённый в обществе в последнюю четверть века, способствовал существенному расширению круга возможностей для реализации личностного потенциала, для преодоления ограниченности доступа к информационным ресурсам. Повсеместная информатизация содействует укреплению прав и свобод граждан на всех континентах нашей планеты, существенно расширяя социальные возможности каждого человека, в том числе любого Другого, чтобы, согласно Г. Гегелю, «быть в зависимости только от самого себя, определять самого себя» [2, с. 124].

Но массовая информатизация несёт в себе не только инструмент для развития личностной свободы выбора, благоприятствующий возвращению творческого потенциала, но и значительный ресурс для укрепления социальной зависимости индивида от общества и его продуктов, способный поработить его сознание и волю, поскольку не теряет актуальности понимание, что «техногенная цивилизация потребителей, стремительно захватывающая всё мировое общество, сметая всё «особливое», инаковое, «нецивилизованное», «асоциальное» на своём пути, уничтожает то ценное, духовное, истинно человеческое, что с таким трудом было накоплено десятками поколений наших предков» [9, с.17]. Сможет ли человек преодолеть данную тенденцию, зависит сегодня, впрочем как и всегда, только от него самого.

В условиях возрастающей потребности в инклюзивных практиках сосуществования, где первостепенно ценным становится сам человек во всём его многообразии, устремлённый к воплощению своего уникального Я, осознание ответственности перед обществом — основной принцип выживания человеческой цивилизации. Вполне заметно, что современный социум, устремлённый к увеличению инструментов для кросскультурного диалога, к повышению коммуникативных практик, способствующих укреплению позиций инклюзивной культуры, неожиданно подчиняется «агрессивной интервенции технологического в биологическое» [7, с. 386], связанной с активным распространением «виртуальных ошейников» [там же] в самых разных его формах, где творческий потенциал личности и её потребность к самостоятельной рефлексии стремительно девальвируются.

Ценностная дезориентация выглядит в данном контексте несколько устрашающе, погружая человека в глубокий технологический колодец. Реальность технологического бытия, где потребности формируют всё новые и новые потребности, с невиданной ранее скоростью завоёвывая новые горизонты, дезориентирует человека, не давая ему возможности даже задуматься над тем, как выбраться из этой ловушки. Таким образом, вопрос, куда движется современный человек, остаётся не только открытым, но во многих случаях в принципе не ставится, а ответственность — остаётся надеяться, что неосознанно — перекладывается на плечи будущих поколений.

Современное общество предпочитает не замечать множество глобальных проблем, требующих социальной рефлексии, очаровываясь феей «доступности», проявленной сегодня многоаспектно. Доступность как феномен современной культуры обнаруживает себя в разных контекстах: возможность постоянного доступа к средствам коммуникации, где человек «всегда на связи»; доступность бесчисленного количества инструментов для реализации своих потребностей в развлечении, существовании, где все варианты можно получить «не выходя из дома»; доступность разного рода технологических решений для облегчения бытовых проблем; доступность работы и обучения «в любой точке мира»; доступность лёгких и непродолжительных отношений; доступность жизни «для себя», проявленная в современной субкультуре «childfree»; доступность пре-

диплантационной диагностики, позволяющей не только выбрать пол будущего ребёнка, но и предвосхитить множество хронических заболеваний; доступность экстракорпорального оплодотворения и суррогатного материнства и даже доступность технологий изменения климата. Когда большинство желаний и потребностей человека удовлетворяются «нажатием нескольких кнопок», говорить о значительном духовном росте, о преодолении самого себя действительно сложно. Не менее сложно обратить внимание социума на то, какие не только положительные последствия будет иметь поворот человеческой цивилизации в сторону тотальной технологизации и информатизации бытия. Но если современный человек «нажатием одной кнопки» трансформирует «миры», можно ли ожидать, что он адекватно оценит потребности и возможности человека, жизнь которого ежедневное преодоление? Остаётся надеяться, что дорога, по которой движется современный человек, не ведёт в тупик.

В эпоху лёгкости удовлетворения желаний и потребностей, когда даже «sancta sanctorum» — межличностные отношения — теряют свою истинную ценность, становясь непродолжительными и поверхностными, теряет свою истинную значимость сам человек. Взаимозаменяемость становится трендом, который символизирует наше время. Но человек не механизм, не инструмент и не вещь, мы рождены пестовать в себе уникальное начало. Именно неповторимость воплощения, способность к преобразованию мира есть отличительная черта нашего вида. Мы единственные во Вселенной способны изменить то, что существует как данность. Каждый из нас воплощается лишь однажды и, безусловно, как человек-Творец. Только осознавая данные факты, мы можем уберечь нашу цивилизацию от гибели.

Что толкает современного исследователя к столь серьёзному размышлению? Мы перевернули страницу человеческой истории, создав пусть пока и не совершенные, но вполне функциональные прототипы интеллекта человека. Рубикон перейдён, и обратного пути нет, это реальность, которую не изменить. Искусственный интеллект (ИИ) уже сегодня активно развивается, но его основное значение — служить на благо человеку — может потерять свою актуальность довольно быстро. Есть серьёзные основания думать так, а не иначе, обусловленные тем, что мы, сосуществуя в нашем общем «ков-

чеге» в начале третьего тысячелетия, так и не осознали, что именно человек, каждый представитель этого вида, имеет безусловную ценность для существования всей человеческой цивилизации, всего мироздания, поскольку каждый из нас есть «микрокосм», вмещающий в себя всю тайну Вселенной.

Только изменение ценностных оснований человеческой жизни в сторону понимания инклюзии как основы человеческой цивилизации позволит нам сохранить человеческий вид в будущем. ИИ, являясь производным человеческого творчества, тем не менее инструмент логических операций, и стоит ли надеяться на то, что он сможет постичь всю палитру человеческих чувств? Очевидно, что, если это и произойдёт, ИИ перестанет быть «искусственным», а займёт равноправное с человеком положение во вселенной.

Но человек, обладая всеми способностями Творца, не способен контролировать будущее. Сможет ли он преодолеть законы Вселенной, которая разумнее самого человека? Стоит ли сомневаться, что ИИ не сможет постичь всю тайну человека как микрокосма, не сможет предсказать последствий его поступков, потому что опыт каждого человеческого бытия всегда уникальнейший, единственный воплощённый. Каждый существующий человек обладает своим собственным ассоциативным рядом, который неповторим, это свойство его интеллекта, обладающего поистине многовариантной инклюзивной сущностью. Можно считать, что существующий порядок — это подарок от Вселенной нашему виду, механизм защиты от самоуничтожения, и именно это является самым совершенным инструментом Творца. Очевидно, что постичь его тайну способен лишь человек/Другой — Творец и Зритель одновременно. ИИ, существующий сообразно логическим законам, не только не способен постичь суть человека, но рано или поздно посчитает человека лишним элементом, именно из-за его «неповторимости» и «непредсказуемости». Если даже сам человек не считает безусловной ценностью жизнь и потребности Другого, стоит ли думать, что машина сделает более осознанный выбор? Человеку пора задуматься над тем, что данные представления вполне реальны и имеют серьёзный потенциал, чтобы воплотиться.

Рассуждая о человеческой сущности, нельзя не обратить внимания на современные тенденции, устремлённые к полному устра-

нению «субъективности» как лишнего элемента, мешающего «гармоничной жизни». В современных условиях, когда мы во многом сами унижаем человеческие способности, недооцениваем человека и его способ бытийствования, не придаём серьёзного значения тому, по каким законам жили наши предки, постепенно девальвируется ценность реального взаимодействия между людьми, уступая место разного рода суррогатам.

Мы активно расширяем контакты в социальных сетях, вместо того, чтобы провести время с близкими людьми, предпочитая данную форму общения даже в условиях, способствующих реальному взаимодействию. Сегодня уже не вызывает удивления ситуация, когда группа людей, собравшихся, чтобы провести время вместе, поглощены гаджетами.

Человек инициативно способствует исключению «субъективности» оценки одного человека другим, что обнаруживается в самых разнообразных формах. В образовании этот феномен проявляется в безличном оценивании результатов обучения посредством тестирования обучающихся компьютером. Данный подход мы активно внедряем на всех этапах обучения, приучая сегодня к данной практике детей с самого раннего возраста. Исключая субъективный фактор, мы обесцениваем уникальность самого человека, но к чему приведут данные решения? Предсказуем ли результат? И что значит объективная оценка, если речь идёт о воспитании человека-Творца? Подключая механического посредника во взаимодействие между человеком и человеком, мы лишаем наше общение истинно человеческого начала, не только снижая его ценность, но и искажая то содержание, которое хотим донести друг до друга. Мы обесцениваем способность человека со-переживать, со-участвовать, творить со-бытие инструментами со-творчества. Кто возьмёт на себя ответственность за то, что постепенно утрачивает своё первостепенное значение уникальный содержательный компонент человеческого взаимообогащения?

Заключение

Таким образом, очевидно, что современный человек вынужден подстраиваться под иную, стремительно трансформирующуюся ре-

альность, обусловленную постоянным обновлением технологической мощи, где «подрыв» как символ современной эпохи выводит человека в новое инклюзивное пространство бытийствования.

Стремление к совершенствованию человека в его традиционном понимании теряет сегодня свою значимость, поскольку на первый план выходит проблематика социального вклада личности, где особая роль отводится человеку с ОВЗ.

В данном контексте по-новому осмысливается проблема «безграничных возможностей» человека, заставляя нас задуматься об ограниченности современных представлений о ресурсах личности, о том, насколько существенный потенциал к открытию новых возможностей человека заложен в возможности к социальной реализации человека с ОВЗ.

Очевидно, что изменение ценностно-смысловых представлений о бытии в сторону утверждения идеи безусловной значимости каждого для всей человеческой цивилизации опосредуется сегодня принятием каждого Другого как способного творить свой уникальный инклюзивный универсум.

Социальная эволюция проявляет себя сегодня поистине инклюзивно. Впервые в истории человеческой цивилизации гуманное отношение к Другому, в том числе к человеку с ОВЗ, не только осмысливается, но и провозглашается значимым инструментом гармонизации человеческого сосуществования, где *Homo sinergius* (Ерёмин, 2005), созидавая новую реальность, совершает переход в пространство соучастного Бытия — пространство ценности человеческой инаковости, со-творчества — пространство торжества инклюзии.

Осмысление социальной зависимости человека и его права на трансляцию уникальности значительно актуализируется в контексте технологизации, где на первом плане оказывается её сущностная дихотомичность: с одной стороны, существенно расширяются возможности человека к возвращению творческого потенциала, к развитию личностной свободы, с другой — серьёзно возрастает зависимость индивида от общества и его продуктов, где человек, словно во власти вторжения «технологического в биологическое», очаровываясь лёгкостью удовлетворения стремительно возрастающих потребностей, утрачивает способность к критическому осмыслению собственного бытийствования, к осознанию своей творче-

ской сущности. Обостряется понимание, что количество инструментов индивидуализации прямо пропорционально мощи социальной зависимости, потому что технологические инструменты позволяют нам творить новую модель социокультурной реальности и ощущать себя в ней достаточно свободно, но в конечном счете формируют зависимость от них самих. Примером тому служит современная потребность в мобильной телефонии, которая, позволив человеку совершать акт коммуникации в любой момент времени, сформировала устойчивую психологическую зависимость от возможности сделать это «здесь и сейчас». Ещё четверть века назад человек не испытывал серьёзного дискомфорта от отсутствия ежеминутного контакта с близкими. Сегодня необходимость связаться с ними по первому требованию превратилась в устойчивую психологическую зависимость.

Сложность complexity существенно расширяет проблематику невостребованности человека, которая прогнозируется мыслителями современности в контексте появления «бесполезного класса». Усиление социальной напряжённости, вызванное недостатком ресурсов личности для достижения социальной зрелости, деформацией личности от социального воздействия, требует акцентуации механизмов преодоления обозначенной проблемы в аспекте всесторонней гуманитарной рефлексии.

В процессе культурфилософской рефлексии вопросов технологизации современного общества вскрывается крайне дискуссионный характер проблемы совместного сосуществования человека и искусственного интеллекта. Создавая ИИ, способный исключительно к логическому осмыслению реальности, мы девальвируем чувственный опыт человека и его способность к творческому порыву, а следовательно, способствуем серьёзному обесцениванию человека-Творца. В этом же контексте теряет свою значимость субъективность человека, которая выражает его личностное начало, вскрывает его уникальную сущность. Технологический посредник между человеком и человеком значимо изменяет глубину и содержание коммуникативного акта, обесценивая способность личности к со-переживанию, соучастию и со-творчеству.

Неверно трактуя сущностные основания коммуникации, мы искажаем саму суть человеческого бытийствования, поскольку нали-

чие взаимодействия и его уникального содержания, связанного с духовным взаимообменом, где «одним из главных критериев выступает созвучность своей культуре, открывающейся навстречу культуре “Другого”» [1, с. 13], является тем фундаментом, который позволил нашему виду стать Человеком.

Всё вышеизложенное, безусловно, позволяет сделать вывод о том, что широта выбора социокультурных ориентиров и зависимость от социума и его продуктов осуществляются в современном мире вместе, как «две бинарные сопряжённые дифференциации, обладающие факторами индукции, т. е. потенцией «достраивать» систему до завершённости» [11, с. 23], формируя собой неординарный, востребованный сегодня принцип воплощения человеческого бытия — инклюзивный универсум, как единственную возможность сохранить человека-Творца — микромодель Вселенной.

Библиографический список

1. Астафьева О. Н. Многомерные конфигурации коллективных идентичностей: теоретические основания исследования // Национальная идентичность в северокавказском обществе: поиски путей укрепления: Коллективная монография / Под общ. ред. А. Ю. Шадже и Е. С. Куквы. М.; Майкоп: Российское философское общество; Изд-во АГУ, 2015. С. 4—26.

2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. 452с.

3. Добролюбов С. В. Как возможна социальная эволюция, если индивид имеет свободу выбора? // Эволюция: от протозвезд к сингулярности? / под ред. Л. Гринина, А. Коротаева, А. Маркова. Волгоград: Учитель, 2014. 384 с.

4. Еремин А. Л. Ноогенез и теория интеллекта. Краснодар: Советская Кубань, 2005. 356 с.

5. Кристенсен К. М. Дилемма Инноватора / пер. Т. Овсенева. Изд.: Альбина Паблишер, 2018. 240 с.

6. Кристенсен К., Рейнор М., Макдоналд Р. Подрывные инновации: двадцать лет спустя // Harvard Business Review. 29 февраля 2016г. URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/upravlenie-innovatsiyami/a17234> (дата обращения: 01.08.2018).

7. Середкина Е. В. Диалог культур в эпоху «хай-тек» и гаджетов: возможности и пределы // Диалог культур в условиях глобализации: XI Между-

народные Лихачевские научные чтения, 2011 г. СПб.: СПбГУП, 2011. Т. 1. С. 386—389.

8. Скороходова О. И. Как я воспринимаю, представляю и понимаю мир вокруг меня. М.: Педагогика, 1972. 448 с.

9. Судакова Н. Е., Сапельников Д. С., Попова М. В. Творчество в контексте культурфилософского осмысления и педагогического моделирования мировоззрения личности: Монография. М.: Буки Веди, 2016. 184 с.

10. Судакова Н. Е. Философская рефлексия инклюзии как феномена современной культуры: навстречу Другому // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11. Ч. 1. С. 152—154.

11. Тишкина Е. И. Бинарные сопряжённые дифференциации культуры: Элитарность и массовость культуры // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 2 (76). С. 23—30.

12. Швейцер А. Культура и этика / пер. с нем. Н. А. Захарченко, Г. В. Колшанского; ред. проф. В. А. Карпушина. М: Прогресс, 1973. 344 с.

13. Evelyn E. A. Glennie. URL: <https://www.evelyn.co.uk/mission-statement/> (дата обращения: 10.02.2018).

14. Harari Y. N. Reboot for the AI revolution. Nature, 17 October, 2017. URL: <https://www.nature.com/news/reboot-for-the-ai-revolution-1.22826> (дата обращения: 15.01.2018).

15. Ojala T. Software development 450 words per minute. 2017. URL: <https://www.vincit.fi/en/blog/software-development-450-words-per-minute/> (дата обращения: 15.01.2018).

16. The Clayton M. Christensen Reader. Selected articles from the world's foremost authority on Disruptive Innovation. Boston, Massachusetts: Harvard Business Rev. Press, 2016, 212p.

References

1. Astaf'eva O. N. *Mnogomernye konfiguracii kollektivnyh identichnostej: teoreticheskie osnovaniya issledovaniya* [Multidimensional configurations of collective identities: theoretical foundations of research]. *Nacional'naya identichnost' v severokavkazskom obshchestve: poiski putej ukrepleniya* [National identity in North Caucasian society: the search for ways to strengthen]. Ed. A. Yu. Shadje and E. S. Kukwy. Moscow, Russian Philosophical Society; Maikop, ASU Publishing House, 2015, pp.4—26. (In Russ.)

2. Gegel' G. V. F. *Nauka logiki* [Science of Logic]. *Enciklopediya filosofskih nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Of vol. 1. Moscow, 1974, 452 p. (In Russ.)

3. Dobrolyubov S. V. *Kak vozmozhna social'naya ehvoluyuciya, esli individ imeet svobodu vybora?* [How is social evolution possible if an individual has the freedom of choice?]. *Evoluyuciya: ot protozvezd k singulyarnosti?* [Evolution: from proto-stars to singularities?]. Ed. L. Grinina, A. Korotaeva, A. Markova. Volgograd, *Uchitel'* Publ., 2014, 384 p. (In Russ.)

4. Eremin A. L. *Noogenez i teoriya intellekta* [Noogenesis and the theory of intelligence]. Krasnodar: *Sovetskaya Kuban'* Publ., 2005, 356 p. (In Russ.)

5. Kristensen K. M. *Dilemma Innovatora* [Dilemma Innovator]. Tran. T. Ovseneva. Moscow, Al'bina Publisher, 2018, 240 p. (In Russ.)

6. Kristensen K., Rejnor M., Makdonald R. *Podryvnye innovacii: dvadcat' let spustya* [Disruptive Innovations: Twenty Years Later]. *Harvard Business Review*. — February 29th. 2016. Available at: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/upravlenie-innovatsiyami/a17234> (accessed 01.08.2018). (In Russ.)

7. Serechkina E. V. *Dialog kul'tur v ehpohu «Haj-tek» i gadzhetov: vozmozhnosti i predely* [Dialogue of cultures in the era of “Hi-tech” and gadgets: opportunities and limits]. *Dialog kul'tur v usloviyah globalizacii* [Dialogue of cultures in the context of globalization. International Likhachev Scientific Readings, 2011]. Saint-Petersburg, SPbGUP Publ., 2011, vol.1, pp. 386—389. (In Russ.)

8. Skorohodova O. I. *Kak ya vosprinimayu, predstavlyayu i ponimayu mir vokrug menya* [How I perceive, imagine and understand the world around me]. Moscow: Pedagogika Publ., 1972. 448 p. (In Russ.)

9. Sudakova N. E., Sapel'nikov D. S., Popova M. V. *Tvorchestvo v kontekste kul'turfilosofskogo osmysleniya i pedagogicheskogo modelirovaniya mirovozzreniya lichnosti* [Creativity in the context of cultural-philosophical understanding and pedagogical modeling of a person's worldview]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2016, 184 p. (In Russ.)

10. Sudakova N. E. *Filosofskaya refleksiya inklyuzii kak fenomena sovremennoj kul'tury: navstrechu Drugomu* [Philosophical reflection of inclusion as a phenomenon of modern culture: towards the Other]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*, 2016, no. 11, p. 1, pp. 152—154. (In Russ.)

11. Tishkina E. I. *Binarnye sopryazhyonnye differenciacii kul'tury: ehлитарnost' i massovost'* [Binary conjugate differentiations of culture: Elitism and mass culture]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. 2, Gumanitarnyye nau-*

ki — *News of the Ural State University, P. 2, Humanities*, 2010, no. 2 (76), pp. 23—30. (In Russ.)

12. Schweizer A. *Kul'tura i ehtika* [Culture and ethics], tran. by N. A. Zaharchenko, G. V. Kolshanskij, ed. prof. V. A. Karpushina. Moscow, Progress Publ., 1973, 344p. (In Russ.)

13. Evelyn E. A. Glennie. Available at: <https://www.evelyn.co.uk/mission-statement> (accessed 10.02.2018).

14. Harari Y. N. Reboot for the AI revolution. *Nature*, 17 October, 2017. Available at: <https://www.nature.com/news/reboot-for-the-ai-revolution-1.22826> (accessed 15.01.2018).

15. Ojala T. Software development 450 words per minute. 2017. Available at: <https://www.vincit.fi/en/blog/software-development-450-words-per-minute>. (accessed 15.01.2018).

16. The Clayton M. Christensen Reader. Selected articles from the world's foremost authority on Disruptive Innovation. Boston, Massachusetts, Harvard Business Rev. Press, 2016, 212 p.